
Молитва была, как спасительный шест,

как гибкий луч света в руках акробата.

С глазами закрытыми шёл по канату.

Любое движенье, неправильный жест –

один только жест – и сорвётся куда-то

в опилки, пропахшие потом коней.

Канат под ногами был тоньше, чем волос.

Но он равновесье удерживал. Голос

скользил по молитве, качался на ней.

Он шёл, и вокруг его светлая полость

во тьме расширялась. Светящийся мрак

стекал на притихшую публику в зале.

Осталось недолго. Он чувствовал, как

тяжёлые крылья в спине прорастали.